

Так вот: с жёсткой оценкой Бродским Жукова Астафьев не согласен. У него сверхжёсткая позиция — от имени всех по вине неумелого руководства проливших кровь в чужую и в свою землю, от имени солдат всех сгоревших дивизий и армий, пепел которых «стучится в его сердце».

13-ю (140-ю) отцовскую добровольческую дивизию Резервного фронта, сгоревшую, как многие другие дивизии, в Вяземском котле в декабре 1941 года, по распоряжению наркома обороны товарища Сталина приказано «считать погибшей».

*Не загорелый — выгоревший,
От города Холм-Жирковский
До самой станции Игоревской
Искал я следы отцовской*

*Дивизии — покорёженной,
Кровавым вином напоённой,
Тринадцатой, непохороненной
И всё-таки непокорённой.*

*И — повторение пройденного:
«Под звуки трубы повить»,
«Они сражались за Родину»,
«Прокляты и убиты».*

***

Астафьев откровенен: «Раньше я писал то, что можно было печатать, сейчас — то, что хочу». Чем он силён? Свободой, полным доверием читателю:

— Вот я плачу горючими слезами, и ты со мной ревёшь как белуга, я смеюсь, и ты ржёшь как лошадь!

Раньше Астафьев говорил: «Да как же писать надо, когда на тебя Пушкин и Толстой смотрят!», а теперь: «Даже Толстой и никто другой не знает войну так, как я её знаю». «Кто, кроме нас, это напишет? Кто поймёт, как это было?»

С годами нарастала его нетерпимость к подлости, лживости. Астафьев не верил властям, не верил интеллигенции, не верил генералам, не верил тем, кто врёт про войну, кто героизирует «мясорубку» в книгах, кинокартинах, спектаклях. Он не верил лжепатриотам.